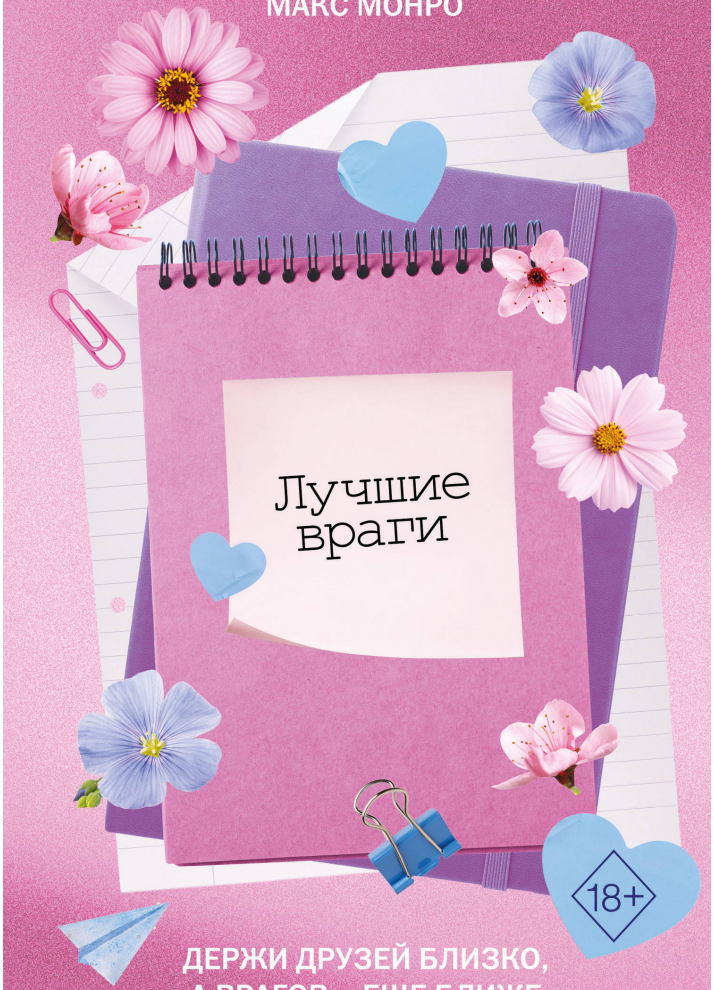
МАКС МОНРО

Лучшие враги

18+

ДЕРЖИ ДРУЗЕЙ БЛИЗКО,
А ВРАГОВ – ЕЩЕ БЛИЖЕ

Макс Монро

Лучшие враги

Серия «Freedom. В поисках любви. Очаровательные ромкомы Макс Монро»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74727056
ISBN 978-5-04-257215-16

Аннотация

От ненависти до искушения – всего одна ошибка в бронировании.

Мой идеальный отпуск на побережье должен был включать три пункта: полный релакс, вкусная еда и море. Как видите, в этот список НЕ ВХОДИТ Мак Хьюстон – мой заклятый враг и одновременно коллега. Вот уже пять лет Мак отравляет мою жизнь с девяти до шести, пять дней в неделю. А теперь этот тип решил еще и испортить мой отпуск! Хьюстон, у нас реально проблемы! Провести с ним неделю в одном доме? Это не отдых, а реалити-шоу под названием «Попробуй не сойти с ума». И все же по вине какой-то чудовищной ошибки с бронированием мы оказались соседями на целую неделю. Мак – мое персональное проклятие. Теперь я без шуток могу оказаться

в тюрьме, если не совладаю с раздражением. Или, что еще хуже, рискую поддаться безумному порыву и все-таки выяснить, каковы на вкус притягательные губы моего вечного соперника. Скажу честно, оба варианта звучат как катастрофа. Но кажется, я уже подписалась на этот цирк.

Содержание

Посвящается	6
Слово автора	7
Глава 1. Мак	9
Глава 2. Кэти	25
Глава 3. Мак	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Макс Монро
Лучшие враги

Max Monroe
Best Frenemies
Published by Max Monroe LLC © 2023, Max Monroe
All rights reserved.

© Кузьменко Е., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается

Тому, как реальная жизнь иногда бывает страннее вымысла.

Тому, что из-за этой книги одна из нас забеременела.

И Тиффани, также известной в ТикТоке как «девушка с творогом и горчицей». Эта книга черпала энергию в твоих суперстранных, но невероятным образом впечатляющих рекомендациях блюд. Хотя не станем отрицать, что наши семьи думают, будто мы спятили, когда видят, что лежит у нас на тарелках.

Слово автора

«Заклятые друзья» – это полноразмерный комедийно-романтический одиночный роман, под завязку набитый такими вайбами от-врагов-к-возлюбленным, что история вас полностью поглотит.

А раз уж эта книга настолько забавна, настолько сексуальна и настолько чертовски уморительна, то мы не можем позволить вам начать без важного предупреждения.

В связи с уморительной и залипательной природой содержания этой книги *не* рекомендуется следующее: *читать в метро, читать на первом свидании, читать в очереди в продуктовом магазине, читать в день своей свадьбы, читать в процессе деторождения, читать на семейном ужине, читать за едой и/или питьем, читать на работе, читать эту книгу своему боссу и/или читать, находясь за рулем тяжелой спецтехники. А также, если вы страдаете от недержания мочи в связи с возрастом/беременностью/рождением ребенка/и т. д., мы рекомендуем использовать соответствующие средства гигиены и/или читать, сидя непосредственно на унитазе.* Возможно, вам покажется, что список мест, в которых читать нельзя, очень длинный, но мы вас уверяем: если вы станете это делать в подходящей обстановке, оно будет того стоить.

Счастливого чтения!

Со всей нашей любовью,

Макс & Монро

Глава 1. Мак

Пятница, 18 марта

Марк Твен однажды сказал: *«Первым делом поутру съедай живую лягушку, и до конца дня ничего хуже с тобой уже не случится».*

Не знаю уж насчет того, как можно буквально употребить в пищу склизкие внутренности с проекта по биологии, но в метафорическом плане я точно эксперт в данном упражнении. На протяжении последних пяти лет я с утра пораньше тренируюсь с Клодом О'Коннором в Боксерском клубе «Трилистник», и мне еще ни разу не удалось покинуть его зал без по меньшей мере двух новых и загадочных болей.

Можно подумать, что это уже достаточная причина, чтобы перестать туда ходить, но я всегда был зависим от всего, что бросает мне вызов на физическом уровне и заставляет сердце гулко стучать от адреналина. Как правило, боли и муки – это обычное последствие.

Если уж честно, то боли, муки и неудобства – это громадная часть жизни. В мире живет свыше семи миллиардов человек, а значит, практически невозможно, чтобы у всех все шло по плану.

Моя сестра Лиззи говорит, что мое мировоззрение – это результат привилегированного воспитания, которое, как ей

нравится мне напоминать, вопиюще отличалось от ее собственного, несмотря на один и тот же комплект родителей. Но, когда у Рэнди и Бет Хьюстонов, когда им было уже за сорок, вдруг появился я, их взгляд на мир полностью изменился.

Внезапно стали уже неважны рекомендованные вехи на жизненном пути или попытки угнаться за Джонсами – да и за кем-либо другим, если уж на то пошло.

Моя мама заявила, что я – нежданный дар и что бы ни случилось, она не собиралась позволять хоть кому-либо из нас потратить его впустую. И раз уж мой папа черпает все свои мнения у своей жены, жизнь моя была весьма, черт ее дери, особенной.

Я гордо шагаю под бой своего собственного барабана, пускай даже и прихрамываю по дороге ко входу в подземку на 59-й улице.

С AirPods в ушах и сладостными звуками Led Zeppelin, служащими саундтреком к моему раннему утру, я сканирую свою транспортную карточку метрополитена и сажусь в практически пустой поезд со своей спортивной сумкой и держателем для стаканов, в котором стоят три тщательнейшим образом продуманных кофе из Starbucks.

Утренний час пик еще не начался, но в основном это потому что сейчас так рано – еще и шести тридцати нет, – а люди, которым на самом деле важен сон, стараются урвать каждую последнюю секундочку.

По моему же личному мнению, в мире есть слишком уж много всего, чтобы тратить лишнее время, созерцая изнанку собственных век.

Едва поезд устремляется к своей следующей остановке, мой телефон жужжит, предупреждая о входящем сообщении. Требуются изрядные жонглерские навыки, чтобы высвободить его из моего кармана и взглянуть на экран, но учитывая, сколь ранний сейчас час, мне слишком любопытно, чтобы не посмотреть сразу же.

У меня во входящих три непрочитанных сообщения, и, перелистнув два с прошлого вечера от *Мэри-Jamba Juice*[1] и *Кэлли*[2], я нажимаю на то, которое пришло только что от моего неординарного кузена.

И уж поверьте, я знаю: по тому, как я сохраняю у себя в телефоне номера женщин, может показаться, что я полнейший козлина, – но что я могу сказать? Иногда бывает сложно отследить, кто есть кто. Я одинокий парень, которому нравится ходить на свидания. Я люблю женщин и люблю проводить с женщинами время, но это время обычно заканчивается после одного или двух свиданий.

Тэтч

Прошу об одолжении, кузен. Нужно, что ты сегодня

---

[1] Американская сеть заведений, торгующих смузи, молочными коктейлями и свежевыжатыми соками.

[2] Сеть супермаркетов, специализирующихся на продаже органических продуктов.

помог Гуннару добраться до дома после школы. Мы с Кэсс оба завалены работой. Хотя Эйс будет дома, когда ты его завезешь, так что ты и твой дружок сможете без особых задержек вприпрыжку поскакать назад в свою холостяцкую жизнь.

Тэтчер Келли – это мой старший кузен с материнской стороны семьи (его мама и моя мама – сестры), а я – самый младшенький в спелом-зрелом возрасте тридцати одного годика. Эйс – его старший сын и в этом году перешел в старшую школу, а его младший сын Гуннар ходит в частную начальную школу, в которой я преподаю музыку.

Я люблю обоих его детей, и я более чем счастлив помочь его младшенькому дикарю сегодня добраться до дома, но это не значит, что я не могу немного его подразнить, прежде чем официально согласиться. Если уж совсем честно, то по тону его сообщения вполне очевидно, что меньшее его попросту разочарует.

Я:
И что я за это получу?

Тэтч:
Мою неизбывную любовь и все, что сумеешь отыскать у меня в кладовой.

Я:
И все?

Тэтч:

Я позволю тебе нанести пару хороших ударов, когда в следующий раз сумею выкроить время на тренировку в «Трилистнике», чтобы ты в кои-то веки почувствовал, каково быть настоящим мужиком. Я знаю, что обычно тебе приходится большим пальцем прижимать край своей дружка, чтобы пописать так, будто льешь из шланга, но, может, после пары ударов по мне твое достоинство распухнет достаточно, чтобы ты сумел его подержать.

Несколько раз в месяц, когда он не слишком занят управлением своей финансовой империей, оценивающейся в базиллион долларов, или попытками угнаться за своей непредсказуемой женой Кэсси, Тэтч присоединяется к моим тренировкам с Клодом. Хотел бы я сказать, что он брешет насчет того, что «позволит мне нанести пару хороших ударов», но этот гад крупный – а это о многом говорит, учитывая, что у меня и самого рост 6 футов и 2 дюйма[3]. Боксировать с ним – это как боксировать с деревом, которое дает сдачи.

Я:

Пфф. Мой юношеский шарм – это одно из моих главных достоинств, а шлангом я пользуюсь, когда нужно козырнуть на вечеринке. Есть еще что предложить?

Тэтч:

Назови цену, Макарена. Сам я Гуннара забрать не

[3] Примерно 188 см.

могу, так что буду брызгать из шланга вместе с тобой, если Кэсси узнает, что я не нашел себе замену. На кону стоит мое достоинство, и ты это знаешь. Давай уже сразу к делу.

А дело в том, что… я бы и без оплаты доставлял Гуннара домой хоть каждый день. Сам я не родитель, но благодаря своей старшей сестре отлично усвоил, что няньки на деревьях не растут. Однако не так уж и часто у меня в руках появляется какой-то рычаг воздействия на своего богатого, как черт, кузена, так что я не собираюсь упускать такую возможность.

Я:

Ладно. Мне нужно, чтобы ты поискал мне потенциальных инвесторов.

Тэтч:

Наконец-то готов всерьез заняться тем своим маленьким музыкальным проектом, а?

Тот маленький музыкальный проект, о котором он говорит, на самом деле является музыкальным фондом, который я пытаюсь запустить вот уже два года. Музыкальное образование – это первое, что идет под нож, когда школам приходится урезать бюджет, а этот фонд будет помогать избежать той трагической ситуации, которой я слишком уж часто становился свидетелем. Особенно в недофинансированных школах в городской черте, которым и изначально-то на музыку деньги выделить удалось еле-еле.

А раз уж у Тэтча много денег *и* много друзей, у которых много денег, – а я сам по себе за последние два года никаких средств привлечь не сумел, – то получить помощь от него кажется наилучшим вариантом.

Я:

Я и так всерьез им занимаюсь. Это просто деньги меня как учителя начальной школы всерьез не воспринимают.

Тэтч:

Ну, тут ты гонишь, чувак. Я в том смысле, ты себя вообще видел? Ты выглядишь как плохо одетый Мэттью Макконахи.

Я:

Не понимаю, как мое уникальное чувство стиля связано с поисками финансирования для невинных деток.

Тэтч:

Боже, ладно. Приглуши вайбы песен Сары Маклахлан, хорошо? Я помогу.

Я:

А я прослежу за тем, чтобы Гуннар сегодня вернулся домой.

Тэтч:

Может, ты и одеваешься, как клоун, но ты достоин быть Матерью Терезой от музыкального образования.

Ну, то есть, не думаю, что Мать Тереза носила конверсы Чака Тейлора и была барабанщицей в группе под названием «Подмышка», но вот этот вот девиз «помогай нуждающимся» действительно подходит.

Мне правда нравится носить Чаки, и я действительно сидел на ударных в группе под названием «Подмышка», когда был необузданным и безумным студентом колледжа при Университете Нью-Йорка. Но пускай музыка по-прежнему у меня в крови, сцену живой музыки я покинул. Как-то не очень между собой сочетаются наличие группы и обучение детишек в начальной школе.

Я:

«Подмышка» была убойной. Даже ты не можешь этого отрицать.

Тэтч:

Убойной? Вы играли неплохо, но никогда бы ничего не добились с Билли-Задницей в качестве солиста.

В чем-то он прав. Билли Лансер звучал совсем как Селин Дион, если бы у той был ларингит и она разучилась попадать в ноты. Но зато у него имелись связи с организаторами концертов, а в нашей непутевой юности всем нам хотелось просто побыть на сцене – пусть даже из-за Билли нас и освистывали.

Я:

Иногда приходится наносить помаду на свинью, чтобы получить приглашение в амбар.

Тэтч:

Если это в твоем представлении поэзия, то лучше уж придерживайся музыки. Я поработаю над тем, чтобы организовать встречу, но только если ты пообещаешь на ней не говорить такого тупого дерьма. Эти парни – миллиардеры, ради всего святого.

Я выхожу из нашей переписки, когда поезд как раз начинает подъезжать к станции на 79-й улице, и сую телефон обратно в карман.

Чуть поморщившись из-за побаливающего бедра, я поправляю на плече спортивную сумку, поудобнее перехватываю держатель с напитками и схожу с поезда. До входных дверей Начальной Школы Кэлхун идти всего-ничего, а оказавшись внутри, я устремляюсь прямиком в приемную. Это моя каждодневная рутина – одна из весьма немногих вещей, которые я действительно предпочитаю планировать, а не отдавать на волю случая, – проверить свой почтовый ящик на предмет наличия чего-нибудь важного, одновременно очаровывая дам, там заправляющих, а потом направиться вниз, в раздевалки при спортзале, чтобы быстренько принять душ и переодеться.

Бетти с Кэрол, приятные секретарши, работающие в приемной, и Мона, школьная медсестра, сплетничают за стойкой регистрации, когда я вхожу в дверь, и лица их озаряются улыбками, едва они меня замечают.

– Утречко, дамы, – здороваюсь я и подмигиваю, вручая

им их обычные заказы из Starbucks, которые всегда прихватываю по дороге на работу утром в пятницу, потому что я умный.

Я помогаю им получать их ежедневную дозу кофеина, а они помогают мне с такими вещами, как организация поездок, созвоны с родителями и больные дети. Все это весьма отравляет мое существование.

– Ты мне просто жизнь спас, Мак, – чирикает Бетти, жадно выхватывая у меня из рук свой карамельный макиато.

– Спасибо, – одними губами благодарит Кэрол, прижимая к уху телефон, к которому только что подошла.

– Ты лучший, – говорит Мона, похлопывая меня по плечу. Такая похвала не нова, но, скажу я вам, она никогда не надоедает.

– Эй, Бетти, ты не проследишь за тем, чтобы Гуннар Келли подождал меня здесь после уроков? Его папа попросил меня сегодня помочь ему добраться до дома.

– Не вопрос, милый, – с готовностью соглашается Бетти, мягкость карамельного макиато сгладила обычно острые грани ее личности.

Я уже готов расспросить Мону о последних сплетнях, как вдруг за моей спиной раздается скрипучий голос.

– Мистер Хьюстон, есть ли какая-то причина, по которой вы этим утром одеты в коротенький топик и надетую задом наперед кепку, как какой-то подростковый инфлюэнсер?

За мной, подпирая правым плечом дверной косяк свое-

го кабинета, стоит директор Дана Харрис. Я опускаю глаза на свое пост-тренировочное облачение: черные шорты, кроссовки и черная *безрукавка*, не демонстрирующая ничего, кроме моих бицепсов. Думается, мой оголенный пресс – это не более чем ее мечты.

– Директор Харрис, будь я подростковым инфлюэнсером, я бы сейчас находился в Коста-Рике и катался на волнах, а не разговаривал с вами.

Она сощуривает устремленные на меня глаза.

– Каждое утро перед приходом на работу я посещаю тренировки, – объясняю я дальше. – Я пытался делать это в пуховике, но вырубился всего через тридцать минут после начала.

– Вы каждое утро так выглядите?

– А еще он по пятницам приносит нам Starbucks, – вставляет за меня Мона. – Так что не нужно ругать нашего Папочку Мака, директор Дана. Мы только-только его выдрессировали.

Тут я смеюсь. Моне шестьдесят лет, она счастливо замужем, у нее дети и внуки, и при этом она такая львица, каких поискать. Она славная, но проглотит вас с потрохами, в духе песни группы Hall & Oats[4]. Ну вы понимаете?

– А еще я принимаю душ и переодеваюсь в раздевалке до начала уроков, – прибавляю я, после чего директор Дана поджимает губы. – Я знаю о дресс-коде и более чем готов, –

[4] Имеется в виду песня 1982 года «Maneater».

я притворно кашляю, – *вольно* его соблюдать.

– Вам повезло, что у вас хорошие волосы без секущихся кончиков. Если бы Барри попытался такое провернуть в семь утра, то я бы его уволила. От залысины этого мужчины меня буквально передергивает.

Барри – также известный как мистер Кох – это один из учителей истории в Кэлхуне. Ему сорок пять, и он является гордым обладателем классического «папиного тела» и отступающей линии волос[5]. Он из тех парней, что любят костюмы. У него в гардеробе не найти ни коротеньких маечек, ни маек-безрукавок и ни каких-либо еще маек, кроме тех, которые можно сочетать с галстуком.

– Знаете, директор Дана, я понимаю, что у меня отличные волосы, но не думаю, что это профессионально: грозить увольнением кому-то, кому не так повезло, – заявляю я со сведущей улыбочкой.

– А знаете, вы правы, – отвечает она и скрещивает руки на груди. – С моей стороны это было весьма неуместно, и я полагаю, что вам следует позвонить настоящему директору этой школы и сообщить ему об этом, чтобы он мог принять необходимые меры.

Я расплываюсь в широкой и раскованной улыбке, и дамы за столом тоже не дают себе труда скрывать, что закатывают глаза.

---

[5] Dad bod – типаж мужчин, которые не гонятся за накачанным телом, время от времени ходят в тренажерный зал, но не делают из этого культа.

Дана Харрис – это *временный* директор в нашей Начальной Школе Кэлхун. Ее отец, Дональд Харрис, был вынужден уйти на больничный после того, как несколько месяцев назад перенес сердечный приступ. Сейчас он идет на поправку и чувствует себя очень хорошо, но ему пришлось передать обязанности своей дочери Дане несмотря на то, как сильно ей этого *не* хотелось. С тех самых пор она пытается сделать так, чтобы ее уволили.

Может показаться, что данная ситуация – типичный образчик непотизма, но на самом деле никто другой это место занять тоже не стремится. Все сотрудники и учителя вполне довольны своими текущими должностями и не жаждут взвалить на себя дополнительную ответственность. Зарплаты у нас и без того уже приличные – по крайней мере, в Нью-Йорке на них прожить можно, а это действительно о чем-то да говорит, – а семья Харрисов известна тем, что заботится о своих сотрудниках: обеспечивает им адекватную нагрузку, размеры учебных кабинетов, а также предоставляет нам автономию по части планирования уроков. Это мечта учителя. Вот почему текучка здесь совсем невелика.

А поскольку Начальная Школа Кэлхун – это частным образом финансируемая организация в городе Нью-Йорк и семейство Харрисов заведовало ею поколениями, то Дональду удалось устроить все так, как ему хотелось: например, сохранить должность директора за членом своей семьи до тех пор, пока он не сможет вернуться в следующем году. Это служит

гарантом того, что школа продолжит функционировать так, как он и планировал, и не претерпит изменений от какого-то новичка с горячей головой и большим самомнением.

Хотя мне не кажется, что Дана была его первым вариантом. Ей тридцать восемь, она была администратором, отвечающим за наш вспомогательный персонал, а еще она не раз и не два ставила процедуры по уходу за лицом превыше работы. Не говоря уже о том, что в прошлом году она посещала вечерние занятия и окончила школу косметологии, потому что планировала официально сменить карьеру и заняться любимым делом: прическами.

Досадная ситуация со здоровьем ее отца вкупе с ее административными навыками действительно спутала ей все карты.

– Не думаю, что нам нужно втягивать в это Дональда, – говорю я ей с легкой ухмылкой, которая, как я знаю, пустит прахом все ее трехмесячные попытки вылететь с работы. – Если честно, если бы мне пришлось с ним побеседовать, я мог бы лишь рассказать, как замечательно вы справляетесь. Вы – истинная драгоценность Кэлхуна. Надеюсь, мы никогда вас не потеряем.

Бетти фыркает. Кэрол чуть не давится своим кофе. Мона уже давно ушла, а вот Дана, что ж, она прожигает меня взглядом.

– Теперь, если вы не возражаете, мне бы пора идти, чтобы хватило времени принять душ и приготовиться к уроку, по-

ка звонок не прозвенел. – Я заканчиваю доставать почту из своего ящика и сладко ей улыбаюсь, направляясь к двери. – Чудесного вам дня, дамы.

– Мистер Хьюстон, – окликает меня Дана за секунду до того, как я выхожу. – Пока не забыла: мне нужно, чтобы вы сегодня во время обеда зашли в мой кабинет. Я должна обсудить кое-что важное с вами и мисс Дэйтон.

– Со мной и мисс Дэйтон? – переспрашиваю я, выгнув брови.

Дана гордо улыбается.

– У меня есть кое-что, над чем вы должны поработать *вместе*.

Вместе?

Кэти Дэйтон – это одна из моих коллег-учителей, и этой женщине я не нравлюсь… *совсем*.

Так было с тех самых пор, как мы оба начали преподавать здесь в одном и том же году, да так и не поладили. Если честно, если бы у нее нашлась изображающая меня секретная кукла-вуду, в которую она каждую ночь тычет булавками, то я бы не удивился.

В прошлом году директор Дональд сделал нас ответственными за организацию большого осеннего карнавала, и Кэти потребовалась всего одна встреча, чтобы вышвырнуть меня из комитета по планированию.

– О, и пожалуйста, сообщите Кэти о встрече, – наставляет Дана с такой улыбкой, которая буквально шепчет: *«Шах*

и мат». – У меня еще не было возможности с ней переговорить.

К Даниному сожалению, благодаря лягушкам Клода и невозмутимому характеру, у меня стальная броня против попыток меня зацепить.

Как бы там она ни планировала задеть меня за живое, это меня и близко не побеспокоит так, как побеспокоит прелестную маленькую Кэти Дэйтон.

Глава 2. Кэти

Когда мистер Картер, учитель физкультуры Начальной Школы Кэлхун, после первого урока уводит третьеклассников из моего кабинета в спортзал, я выхватываю из ящика стола телефон, чтобы написать тому человеку, на которого весь день жутко хотела наорать.

Анна, также известная здесь, в Начальной Школе Кэлхун, как мисс Франклин, – моя лучшая подруга и заведует отделением искусств. Я ее знаю еще с тех пор, как мы вместе учились в Колумбийском университете, и на протяжении последних пяти лет, что я здесь работаю, мы проводили каждое утро до звонка на урок, подбадривая друг дружку, чтобы выдержать еще один день маленьких мозгов и липких пальцев.

Но сегодня – изо всех дней во вселенной и за ее пределами – она решила не объявляться, и в результате я чертовски нервничаю.

Завтра в семь утра мы вместе должны отправиться на долгожданные недельные весенние каникулы из аэропорта имени Кеннеди, а Анна Франклин пропала без вести[6].

Я:

Черт побери, где ты сегодня прячешься? Тебе

---

[6] JFK – John F. Kennedy International Airport – международный аэропорт имени Джона Кеннеди, расположен в районе Куинс в юго-восточной части Нью-Йорка.

НРАВИТСЯ заставлять меня волноваться?

Анна:

Вообще-то нет. Поэтому я и старалась вовсе избегать разговоров с тобой. Чтобы не пришлось говорить тебе то, чего мне говорить не хочется.

Я:

Чего ты не хочешь мне говорить, Анна?

Анна:

Видишь ли, когда ты вот так произносишь мое имя, повышается вероятность того, что я не буду тебе отвечать.

Я:

АННА.

Анна:

Сегодня на мои уроки поставили замену, потому что я жутко больна. Судя по всему, у меня хренов грипп.

Я:

Серьезно? Ты заболела за двадцать четыре часа до нашего вылета? Разве я тебе не говорила пользоваться санитайзером по меньшей мере двадцать раз в день? Что ты теперь будешь делать? Лететь в маске?

Анна:

Технически нет. Технически я не буду надевать маску, а вместо того останусь в пределах своей

квартиры. Технически мне велели посадить свою заразную задницу на карантин на ближайшие семьдесят два часа.

Я:

Ты так часто говоришь «технически», чтобы попытаться выставить эту новость не такой ужасной???

Анна:

А получается?

Я:

НЕТ. Анна, я поверить не могу! Я что, должна просто лететь одна? Как это вообще произошло?

Анна:

Ох, я не знаю. Может, дело в том, что я веду ИЗО у кучки микробогенераторов.

Поверить не могу, что она не сможет отправиться в наш мини-отпуск. Мы ведь его несколько месяцев планировали. А теперь… я что, должна просто полететь одна?

Я:

Может, воздух Флориды поможет тебе поправиться.

Анна:

Кэти, милая, у меня температура 102 градусов[7], я потею, как будто только что занималась горячей йогой, а мой кашель звучит так, словно исходит из глубин ада.

[7] Примерно 38,8 градусов Цельсия.

Не думаю, что влажность в 99 в этой ситуации как-то поможет.

Я:

Ох. Мне жаль, что ты больна. Может, тебе чего-нибудь привезти?

Анна:

Подруга. Я прямо через экран сейчас ощущаю твою неискренность.

Я:

ПРОСТИ. МНЕ ЖАЛЬ, ПРАВДА. Но блииииин. Мы же этого отпуска весь год ждали. Может, мне стоит просто остаться здесь, тогда мы сможем выпивать днем у тебя в квартире.

Анна:

КЭТИ, УЖ ЛУЧШЕ БЫ ТЕБЕ ПОЕХАТЬ ВО ФЛОРИДУ, ИНАЧЕ Я ТЕБЯ УБЬЮ.

Я закатываю глаза и отправляю ей одно последнее сообщение, когда замечаю, что миссис Росс стоит у моей двери, а за ее спиной нетерпеливо мнутся второклассники, пришедшие ко мне на следующий урок.

Я:

Расслабься, я поеду. Я предложила остаться лишь для того, чтобы тебя утешить. Альма сейчас нехорошо на меня смотрит, так что я тебе попозже позвоню.

Я засовываю телефон обратно в стол и вежливо улыба-

юсь моей коллеге по Кэлхуну, Альме Росс, прекрасно понимая, что это никак на нее не подействует. Раздражительность Альмы не знает себе равных.

– Доброе утро, миссис Росс. Сегодня сами класс привели? – спрашиваю я. Обычно это делает ее ассистентка.

– Не по своей воле. Оливии сегодня нет, – ворчит моя семидесятилетняя коллега. – В противном случае я бы здесь не стояла, пытаясь игнорировать свой бурсит стопы, пока вы, дорогуша, играетесь с телефоном.

Альма – самая возрастная учительница в Кэлхуне, она заведует отделением английского языка. Если судить по моим с ней личным взаимодействиям, то я бы скорее согласилась, что выходить на пенсию нужно тогда, когда наступает соответствующий возраст. Но несмотря на всю ту чепуху, которую она вываливает на остальных сотрудников, ей удается поддерживать в своих учениках вовлеченность и тягу к знаниям. Не знаю уж как, но, наверное, вся нежность, что еще осталась в ее ворчливом теле, предназначена детям.

– Мне жаль это слышать, миссис Росс, – извиняюсь я. – Я просто узнавала, почему мисс Франклин сегодня нет в школе. Если бы я знала, что Оливии нет на месте, я бы пришла и сама забрала учеников из вашего кабинета.

– Для этого уже слишком поздно, – бормочет Альма и жестом велит группе второклашек заходить. Мне же она на прощание даже толком не машет, прежде чем развернуться на каблуках своих черных ортопедических туфель и поковы-

лять обратно в свой кабинет в конце коридора.

Я не трачу время на то, чтобы удостовериться, что она туда доберется, а вместо того ныряю в ожидающий меня кабинет, полный возбужденно вихляющих тел. У второклашек, судя по всему, вообще не имеется неподвижных костей.

– Доброе утро, класс, – возвещаю я с улыбкой, когда мои ученики более или менее усаживаются за парты. – Как у вас сегодня дела?

– Бывало и лучше, – отвечает Джимми Лукас с тяжелым вздохом, скорее подходящим мужчине, только что закончившему двенадцатичасовую смену на стройке в стоградусную[8] жару.

– О, нет… – Я прикусываю губу, чтобы побороть желание рассмеяться, и выдавливаю из себя сочувственную улыбку. – Мне жаль это слышать, Джимми. Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы твой день стал лучше?

Прежде чем Джимми успевает ответить, вклинивается Сет Браун.

– Тебе, наверное, просто нужен винный коктейль, Джим. Моя мама говорит, что винные коктейли помогают ей снять стресс.

Ну, понеслось.

Уж если кто из учеников и способен *сильно так* сбить урок с курса, так это Сет Браун. Он очарователен, даже неимоверно мил, но отвлекать он умеет практически про-

[8] Примерно 37,7 градусов Цельсия.

фессионально.

За этот учебный год мне уже множество раз приходилось связываться с его матерью, Сэмми, а еще я несколько раз встречалась с ней один на один из-за склонности Сета срывать уроки.

– Что такое винный коктейль? – спрашивает Джимми, и у меня перед глазами проносится мрачное будущее, в котором меня завалят гневными электронными письмами от обеспокоенных родителей по поводу того, что на моих уроках поощряется употребление алкогольных напитков в качестве борьбы со стрессом у семи- и восьмилетних детей.

Со скоростью хлыста я встреваю в разговор.

– Винный коктейль – это алкогольный напиток, который могут пить только взрослые и который *не* одобрен никакими официальными организациями в качестве способа снятия стресса.

Не успевают эти слова сорваться с моих губ, как в четвертом ряду, словно ракета, взлетает ввысь рука Мелани Моррис.

– Да, Мелани?

– Что такое алкогольный напиток, мисс Дэйтон?

– Моя мама говорит, что они вкусные, и она любит… – Сет Браун начинает вставлять свои непрошеные пять копеек, но я тут же его обрываю.

– Сет, – твердо говорю я и встречаюсь с ним взглядом. – Ты знаешь правила поведения на уроке. Если тебе есть что

сказать или спросить, ты должен поднять руку.

– Извините, мисс Дэйтон, – смущенно отвечает он, на время включив дурачка.

– Так, мы с вами сильно отошли от темы, – провозглашаю я, направляясь к передней части кабинета. – И нам важно снова войти в колею. Сегодня мы будем писать тест на сложение, на время.

– Вонючий тест? В пятницу? – стонет Сет со своего третьего ряда, явно в рекордные сроки позабыв о том, что на уроке нужно поднимать руку.

– Да, Сет, – отвечаю я. – Коротенький тест, чтобы проверить, чему мы научились за последние несколько недель.

– Да! – радуется со своего места в первом ряду Кэролайн, одна из моих самых замотивированных и прилежных учениц. – Обожаю тесты на время!

– Еще бы ты их не обожала, – бубнит Сет себе под нос, но Кэролайн это слышит и мигом отвечает.

– Заткнись, Сет!

– Довольно, – без колебаний встреваю я. – Все успокоились. Если вы не хотите провести перемену со мной, решая *дополнительные* задачи на сложение, то никаких выкриков с места больше не будет, хорошо? – Я обвожу класс глазами, встречаясь взглядом с каждым из своих учеников, чтобы убедиться, что они поняли: я не шучу.

К счастью для моего рассудка, они прислушиваются.

– Спасибо, – возвещаю я и останавливаюсь прямо перед

своим столом, чтобы взять пачку только что распечатанных листков. – Итак, сегодняшний тест на время будет немного дольше, чем вы привыкли. У вас будет пять минут на то, чтобы решить как можно больше задачек на…

Я умолкаю посреди инструктажа, когда из-за стенки позади меня раздается оглушительный хохот, а затем в нее будто врезается полуприцеп, и пол трясется. *Да ради ж всего святого.* Я поворачиваюсь всем торсом в сторону досадной помехи – и буравлю глазами стенку, по другую сторону которой расположен кабинет Мака Хьюстона.

Мистера Музыки.

Мистера Весельчака Бобби[9] (даром что не пьяного).

Мистера Громадной-Занозы-в-Моей-Заднице.

По сути, все связанные с работой проблемы проистекают от *Мака Хьюстона*. В его кабинете всегда шумно, всегда царит гам, и порядок в классе всегда находится на грани, а поскольку он расположен прямо по соседству, то мои ученики и мои уши не упускают ни секунды этого хаоса.

Я веду математику в первых, вторых и третьих классах Начальной Школы Кэлхун, но, поскольку буйный кабинет мистера Хьюстона расположен у меня за стенкой, в большинство дней у меня такое ощущение, будто я пытаюсь преподавать высшую математику студентам-аспирантам посреди

---

[9] Отсылка к сериалу «Друзья», 10-й серии первого сезона и 10-й серии второго сезона, где у Бобби – приятеля Моники – репутация весельчака, однако он забавен лишь тогда, когда выпьет.

парка развлечений.

Дикий шум слегка затихает, и, глубоко вздохнув, я снова поворачиваюсь к своим ученикам, чтобы продолжить инструктаж. Ограниченный по времени тест на сложение, может, не такая уж и сложная вещь, но я всегда стараюсь удостовериться, что перед проверочной снабжаю своих детей четкими инструкциями, а также здоровой дозой ободрения, чтобы привести их в нужный настрой.

Конечно, когда дело касается организации и того, как я управляю своим классом, я могу быть несколько строга, но я твердо верю, что в мои обязанности входит снижать стресс и уровень непонимания. Спокойствие, расслабленность и четкие требования – вот какой обстановки я всегда стараюсь добиться.

– У вас будет пять минут на то, чтобы решить как можно больше задач на сложение, – провозглашаю я, обходя класс и раскладывая тесты по партам. – Не переворачивайте листки, пока я не запущу таймер и не скажу вам начинать. Задания постепенно становятся немного сложнее, но я вас уверяю: все эти упражнения на сложение мы с вами уже множество раз разбирали вместе. – Я чуть улыбаюсь своим ученикам. – Я знаю, что у вас получится. Вы знаете материал. Я так горжусь каждым из вас. Вы так упорно трудились на протяжении последних нескольких недель, чтобы выучить эти новые задачки, так что я знаю: вы просто порвете эту проверочную.

Кэролайн поднимает руку, и я подаю ей знак, дружелюбно

взмахнув своей.

– Да, Кэролайн?

– Мисс Дэйтон, а можно мы… – К сожалению, после первой пары слов за стеной снова начинается свистопляска, и единственная информация, которую удается донести до меня Кэролайн, – это тот факт, что она способна шевелить губами. У нас здесь пантомима – обычное дело, но вот за билеты я еще ни копейки не выручила.

– Блин, вот бы я сейчас был на уроке у мистера Хьюстона! – выкрикивает Сет, и несколько учеников не стесняются громко с ним согласиться.

– Понимаю! – несколько раз кивает Джимми. – Судя по звукам, там у них вечеринка!

Клянусь, помехи никогда не заканчиваются – барабаны, и вопли, и дети, выделывающие коленца в коридоре у меня под дверью, словно Том Круз в *«Рискованном бизнесе»*. И все благодаря Маку Хьюстону, гуляке, который по стечению обстоятельств преподает музыку в той же школе, где работаю я. А его омерзительный стиль преподавания – если это вообще можно назвать преподаванием – *всегда* сказывается на моем кабинете.

Господи, помоги. Я так больше не могу.

– Класс, мне нужно, чтобы вы оставались на своих местах. Листки с тестом не переворачивать. Я сейчас вернусь. – Я поднимаю палец, обращаясь ко всему классу в целом, и бросаюсь к двери как одержимая. Оказавшись за ней и обогнув

небольшую перегородку между нашими кабинетами, я врываюсь прямо через *его распахнутую дверь* в шумный класс и повышаю голос, пытаясь перекричать гам, чтобы привлечь его внимание.

– Мистер Хьюстон!

Я постоянно поглядываю на открытую дверь своего кабинета, чтобы убедиться, что мои ученики спокойно сидят на своих местах и никто в листки не подсматривает.

Его кабинет занят другим вторым классом, и они носятся повсюду, будто банши[10] с барабанами. Буквально. Я бы не удивилась, узнав, что его инструктаж был таким: *«Примите ваш внутренний гэльский женский дух и посейте в кабинете хаос этими барабанами»*.

Они стучат, орут и вопят, и мне приходится сложить ладони рупором возле рта и попробовать еще раз.

– Мистер Хьюстон! – повторяю я, наконец привлекая его внимание. – Могу я с вами минутку поговорить, пожалуйста?

Головы всех учеников мгновенно поворачиваются ко мне, но смотрю я лишь на одного человека – *угрозу*. Мака Хьюстона.

Улыбка у него такая широкая, что чуть ли набок не заваливается, а по центру щек кратерами зияют две большие ямочки. Его выгоревшие на солнце каштановые волосы хаотичными завитками накрывают уши, а зеленые глаза ярко

[10] Персонаж кельтской мифологии, своими воплями предвещающий смерть.

сияют. Если бы не мускулистое, мужественное тело, прячущееся под его слишком уж повседневным нарядом, я бы подумала, что ему и половины его настоящего возраста еще нет. А так единственное адекватное объяснение, которое я могу придумать, – это нечто сродни ситуации Тома Хэнкса в фильме *«Большой»*.

Я вздыхаю, когда Мак трусцой направляется ко мне, а его масляная ухмылочка становится такой жирной, что начинает походить на чеддер из Висконсина. Он поднимает руку, обращаясь к классу и за миг до того бросив мальчугану за своей спиной пару цимбал, и говорит:

– Займитесь делом, ребята. Я сейчас вернусь.

Его взъерошенные волосы подпрыгивают, пока он быстро преодолевает последние несколько футов между нами, и мне приходится немало потрудиться, чтобы не закатить глаза. Он говорит классу поработать без него – ну просто смешно! – *да они же у него не работают, даже когда он здесь!*

– Чем я могу тебе помочь, Кэти? – неформально спрашивает он, выводя меня в коридор. Когда мы оказываемся там, его расслабленная манера себя держать ни на миг не сбоит: он прислоняется к стене и скрещивает в лодыжках свои ноги, одетые в штаны цвета хаки. Из-под штанин торчат черные Чаки Тейлоры.

– Ты хоть представляешь себе, насколько громкий у тебя сейчас урок? – спрашиваю я в ответ.

Он склоняет голову набок, и уголок его рта выгибается в

усмешке.

– Ну, это как посмотреть. О какой единице измерения идет речь? Децибелы? Герцы?

Я раздраженно качаю головой. Нет у меня времени на его игры. По ощущениям уже половина урока прошла, и мне нельзя тратить впустую ни минуты.

– Мы тут в соседнем кабинете пытаемся написать тест. Капелька уважения к моим ученикам не помешала бы.

– Тест? – бросает он в ответ со смешком. – В пятницу перед весенними каникулами? – Он качает головой. – Кажется, я обнаружил твою главную ошибку, Кошка Кэти.

Кошка Кэти? Боже. Если бы мне давали пятицентовик каждый раз, когда этот парень заставляет меня закатывать глаза, то я бы сейчас была куда богаче, чем на самом деле. А так мне остается лишь ждать грядущей недели каникул, которые, к счастью, включают в себя семь полных дней *без* того, чтобы у меня из-за его кабинета шла кровь из ушей и расшатывались нервы.

Просто продержись этот день, Кэти. Просто продержись этот день, а потом настанет время отдыха и релаксации.

– Так ты можешь убавить громкость или нет? – спрашиваю я, переходя прямо к делу.

– Конечно, – довольно легко соглашается он, отчего между моих бровей образуется недоверчивая складка. – Мы все равно как раз собирались выйти на террасу на крыше, чтобы

устроить первое побоище шариками с водой в этом году.

Побоище шариками с водой? Он что, серьезно?

Такие вот ситуации заставляют меня задаваться вопросом, как ему вообще удается по-прежнему получать зарплату в качестве чертова учителя. Я понимаю, почему ему хочется, чтобы ученикам не наскучивала учеба, но его версия смешивания веселья и образования – это что-то с чем-то. И это что-то, как по мне, всегда включает в себя очень уж мало образования.

– А как именно связаны шарики с водой с музыкой?

– А! – тянет он, драматично потрясая пальцем между нашими лицами. – А почему же они с ней *не* связаны, Кошка Кэти?

Я вздыхаю разом от его загадочного ответа и от до нелепого раздражающего прозвища, которым он наделил меня полтора года назад, и качаю головой.

– Неважно. Уж лучше я вернусь в свой кабинет, мои ученики и так уже слишком долго ждут.

– Вот я тебя и подловил, – дразнится Мак, подмигивая, и неторопливо проходит в свою дверь лишь для того, чтобы резко высунуться обратно в коридор, как видно еще со мной не закончив. – О, если у вас останется время, то мы будем на террасе на крыше. Приводи своих детишек поиграть. Шариков у нас много.

Я снова качаю головой и саркастически улыбаюсь, подчеркивая эту гримасу тем, что преувеличенно радостно вскиды-

ваю большие пальцы. Из его легких выпрыгивает глубокий, гортанный смех, отчего сильные мышцы его шеи напрягаются, а у меня в груди все сжимается.

Не понимаю, каким это образом кто-то настолько раздражающий может быть настолько привлекательным, но одно я знаю наверняка: я жду не дождусь того мига, когда освобожусь от работы – *и от него* – и на целую неделю окажусь на пляже.

– О, кстати. Я чуть не забыл тебе сказать, – прибавляет он. – Сегодня в обеденный перерыв мы должны встретиться с директором Харрис.

– Что? – Я морщу нос. – Зачем?

– Не знаю.

– А ты не подумал ее об этом спросить? – Я выгибаю бровь, а он просто пожимает плечами.

– Не видел смысла. Она на обеде нам скажет. – А потом он разворачивается на пятках и направляется обратно в свой кабинет.

Серьезно?

Всякий здравомыслящий, нормальный человек ее бы спросил, но *нет*, не Мак Хьюстон. Этот мужчина просто катит свою привлекательную задницу по жизни, не имея никаких забот. Я же, с другой стороны, буду все два часа до этой встречи себя накручивать.

Святый боже. Я его так сильно презираю, что мне физически больно.

Так, мне просто нужно пережить остаток дня, включая встречу, которая, очевидно, у меня назначена с директором Харрис, а потом, *солнечная Флорида, жди меня*.

Звонок, возвещающий о конце учебного дня, – скорее бы ты прозвенел.

Глава 3. Мак

Столовая гудит, когда я доставляю свой класс к их столу и раздаю пятюни, проходя мимо остальных. Один исполненный энтузиазма ребенок бросает в меня сэндвич Uncrustable[11], надеясь заставить меня остановиться, но я просто на ходу вырываю его из упаковки и оборачиваюсь, чтобы смотреть мальцу прямо в глаза, пока буду его кусать.

Вот в чем секрет работы с маленькими детьми – никогда нельзя давать им палец, не то они непременно всю руку откусят. А чтобы быть Веселым Учителем вроде меня, вы *обязаны* сохранять контроль. Веселье без контроля попросту перешло бы в свистопляску. И что бы там себе ни думала Кэти Дэйтон, в кабинете под номером 216 происходило *не* это.

Проведя показательный урок с сэндвичем, я направляюсь к передней части школы на «важную встречу» с двумя моими величайшими фанатками.

Несколько учителей останавливаются, чтобы со мной поздороваться, и даже Мона высовывает голову из медкабинета, заслышав мой голос.

Однако в конце концов я добираюсь до приемной, где улыбаюсь и подмигиваю Бетти с Кэрол, проскальзывая мимо них в сторону кабинета директора в дальней ее части.

---

[11] Сэндвичи с джемом и арахисовым маслом без корочки, продаются замороженными.

– Ну надо же, мистер Хьюстон, как приятно, что вы к нам присоединились, – приветствует меня директор Дана, когда я вхожу в дверь ее кабинета. Кэти уже сидит в одном из кресел напротив ее стола, и нахмуренное выражение ее милого личика ясно дает мне понять, что она рада меня видеть ничуть не больше, чем два урока назад.

– Я опоздал? – невинно спрашиваю я, уже и так зная, что опоздал. Чтобы по пути очаровывать сотрудников, требуется время.

– Всего-то на десять минут, – бормочет Кэти чуть слышно. – Но в этом нет ничего нового.

Директор Дана ухмыляется и достает пилочку для ногтей, упиваясь каждой каплей того презрения, что Кэти ко мне испытывает. Думаю, она надеется, что, если предоставит Кэти свободу, та избавит ее от трудов и сама проглотит меня живьем.

Однако это не первый раз, когда мы с Кэти оказываемся в этом кабинете вместе, и я уверен, что не последний. Мисс Дэйтон не стесняется озвучивать свои жалобы на меня и мой кабинет – так регулярно, как только возможно.

В этом году мешает ей лишь то, что директор Дана редко соглашается на встречи. Они вроде как урезают ее время «заботы о себе».

Я сажусь в кресло рядом с Кэти, и, богом клянусь, она инстинктивно от меня отодвигается. Глядя на то, как скрещены ее длинные ноги и как отвернуты от меня плечи, можно

подумать, что все ее существо бунтует против моего присутствия.

Она видит в нас исключительно соперников. Я же воспринимаю наши стычки как хобби. Ясно одно: мы с ней устроены по-разному.

По правде сказать, мне она всегда чем-то даже нравилась. Может, это ко мне взывает ее неприступность – большинство женщин сдаются уж слишком легко, – но при этом она еще и красивая, и сложная. Несколько чопорная, это да, но зато у нее есть эти большие голубые глаза, безупречная кожа и почти королевский оттенок каштаново-медных волос, из-за чего она кажется отчасти потусторонней.

А еще она хороший учитель. Я это больше сотни раз слышал от разных учеников. А это, учитывая, что преподает она математику, довольно значительное достижение, как по мне.

Ее ученикам все равно, что она строгая или что она заставляет их работать на уроках. Она терпеливая и добрая, и, очевидно, ненавидит она исключительно меня.

– Что ж, раз мы все теперь в сборе, – начинает Дана и встает с кресла, взгромождая одно из своих обтянутых пурпурными брюками бедер на стол. – Можем начинать эту встречу. Стоит отметить, что мне придется уйти в 12:45, у меня запись к парикмахеру, которую я ну никак не могу пропустить. А поскольку уже 12:15, давайте сведем вопросы к минимуму, хорошо?

Я втягиваю губы в рот, едва не фыркнув. О, да, по како-

му бы поводу ни была эта встреча, он явно *очень* серьезный. Однако Кэти не позволяет тону Даны помешать ей вести себя так, будто так оно и есть.

– Если вы уйдете в 12:45, то кто будет дежурить за вас во время большой перемены?

– Судя по всему, вы, – отвечает Дана, и глазом не моргнув.

– Но… – начинает возражать Кэти, однако Дана просто продолжает, не слушая ее.

– Что же до того, зачем вы здесь, я решила назначить вас ответственными за День Карьеры.

– Но мы раньше никогда не устраивали День Карьеры. – Кэти вклинивается в разговор, смирившись с дежурством на перемене и переключившись на другую проблему. Но такова уж Кэти Дэйтон. Для нее *все* проблема.

– Я знаю. Но мой отец непременно хочет, чтобы в этом году мы его устроили, а время поджимает.

– Вы хотите, чтобы мы его спланировали? – Челюсть Кэти будто бы хочет отвалиться от ее лица. – *Вместе?*

Очевидно, я демон, а Кэти отчаянно разыскивает номер экзорциста.

– Да, – отвечает директор Дана. – Нам нужно, чтобы добровольцы из нашего района пришли и рассказали ученикам о своих профессиях. Поэтому вы двое должны будете выбрать день между сегодняшним и концом учебного года, в который мы это проведем, найти приглашенных выступающих и организовать все мероприятие.

– Я и одна с этим справлюсь.

Я чуть не принимаюсь хихикать. Кошка Кэти уж точно умеет отбрасывать лишнее, коль скоро лишнее – это я.

– Вообще-то, мне бы хотелось принять в этом участие, – встреваю я, упоительнейшим образом подливая масла в огонь ее раздражения.

– О, да ладно, – говорит Кэти со стоном. – Ты *не* хочешь принимать в этом участие.

– Еще как хочу, Кэти. С чего бы нет? Я даже знаю кое-каких людей разных профессий, которые, как мне думается, могли бы обогатить сердца и умы учеников Кэлхуна.

– Хорош нести чу…

– Гм-гм. – Дана прочищает горло. Разозленная Кэти откидывается на спинку своего кресла и сощуривает глаза, с пугающей пристальностью глядя на меня.

– Нам нужно выделить какие-то особые карьерные пути?

– Ну, наверняка скажу только, что мы не стараемся убедить наших учеников завести аккаунты на OnlyFans, когда они окончат старшую школу, – со вздохом говорит Дана. – Но вообще я бы сказала, что вы в своем выборе практически ничем не ограничены.

Мне приходится прикусить губу, чтобы не рассмеяться. И я уж никак не могу удержаться и не нацепить свою самую серьезную мину, чтобы спросить:

– А что такое OnlyFans?

Дана прожигает меня взглядом.

– Мы с вами оба знаем, что такое OnlyFans, мистер Хьюстон.

– Вообще-то… – Я изображаю недоумение, для полноты картины даже постукивая себя пальцем по подбородку. – Я, кажется, не знаю. Вы не расскажете подробнее?

– Это сайт с сексуальным содержанием по подписке. Что-то вроде порно, за просмотр которого платят деньги, – вдруг говорит кто-то у меня за спиной, и мы втроем оборачиваемся на дверь, на пороге которой обнаруживается Альма Росс.

– Миссис Росс, имеется ли какая-то причина, по которой вы прерываете это совещание? – спрашивает Дана, а Альма лишь пожимает плечами.

– Мне просто любопытно.

– А вам не может быть любопытно где-нибудь еще?

– Да вроде нет. – Альма снова пожимает плечами и опускается на стул возле двери. Несколько секунд спустя у нее в руках уже пряжа, и она принимается вязать нечто, похожее на шарф.

Эта женщина явно намерена досмотреть представление до конца, и даже наш временный директор понимает, что спорить было бы бесполезно.

– Значит, решено, – продолжает Дана. – Вы двое займетесь планированием нашего первого ежегодного Дня Карьеры, который пройдет в этом году. И профессии вы отберете такие, из-за которых родители не станут мне слать гневные письма.

Я поднимаю руку. Дана меня целиком и полностью игнорирует.

– Кэти, у вас есть вопросы?

– Где мы будем его проводить?

– В актовом зале.

– А сколько выступающих нужно позвать?

– Столько, сколько пожелаете, главное, чтобы все продлилось не больше двух часов. Хоть минутой дольше – и мы уже не впишемся в штатное расписание.

Кэти снова начинает открывать рот, но Дана мигом ее обрывает. Она больше не намерена тратить нервы ни на кого и ни на что, кроме дорогущего латте и двух-трехчасовой трансформации в женщину с новой прической.

– Так значит, мы разобрались? Вы все поняли?

– Эм… – Кэти делает паузу и краем глаза глядит на меня. – Вообще-то я действительно думаю, что было бы лучше, если бы всем планированием я занималась одна. Мистер Хьюстон *очень* занят тем, что планирует битвы шариками с водой.

– Ох, мисс Дэйтон, я уязвлен, – драматично восклицаю я, прижимая ладонь к груди. Я гляжу прямо на директора Дану. – Я ей не нравлюсь. Я практически уверен, что она меня ненавидит.

– И он не заблуждается, – бесстыдно говорит Альма. – Мак у нее определенно в черном списке.

– Я его не ненавижу, – быстро опровергает это Кэти. Она

переводит взгляд на Дану. – Я его не ненавижу. Я просто… мы просто… мы не очень хорошо работаем вместе. Наши стили преподавания очень, *очень* разные.

– Кстати, о стиле преподавания, – заявляет директор Дана, и ее глаза тут же устремляются ко мне. – Шарики с водой?

– Мне кажется, все вполне очевидно, – отвечаю я, хохотнув. – Наполненные водой шарики гиперэластичны, как и звуковые волны. Если выразиться проще, то коэффициент усилий, которые нужно приложить для прорыва шарика с водой, практически соответствует тому эффекту, который звуковые барьеры оказывают на…

Дана вскидывает руку.

– Можете на этом остановиться. Я так полагаю, вы получили разрешение от родителей?

– От всех трех классов, участвовавших в битве шариками. – *И все благодаря помощи Бетти и Кэрол.*

– Тогда ладно. Идем дальше.

– Погодите… – Голос Кэти звучит чуть пронзительнее. – И это все?

Директор Дана переводит глаза на нее.

– У вас какие-то проблемы, Кэти?

– Честно сказать? Да. – Взгляд у Кэти сердитый. – Меня по-прежнему беспокоит, что уроки мистера Хьюстона мешают вести уроки мне. Это как пытаться преподавать математику, когда в город приехал цирк. И, если уж совсем откровенно, мне плевать, что слоны потрясающе объясняют тему

слышимых частот, или какую там белиберду ты только что наплел, – прибавляет она, поворачиваясь уже ко мне.

Директор Дана смотрит на Кэти. Затем смотрит на меня. А потом она бросает взгляд на часы на своем запястье и глубоко вздыхает.

– Поскольку уже без двадцати час, придется нам с вами собраться как-нибудь еще, чтобы проработать эти вопросы, когда я не буду спешить на сеанс заботы о себе. Мне пора идти.

– У нее сейчас фаза «Тейлор Лотнер», – вставляет Альма, по-прежнему вяжущая то, что она там вяжет.

И да, она имеет в виду Тейлор Свифт, но это неизменная уморительная черта Альмы Росс. Она вечно путает имена знаменитостей, и я это просто обожаю. Если честно, то я такой не один. Ничем не прикрытое веселье в глазах Даны тому свидетельство.

– Тейлор Лотнер? – спрашивает Кэти. – А разве это не…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.